

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РФ
РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРОЛОГИИ

НИКОЛАЙ НЕВСКИЙ: ЖИЗНЬ И НАСЛЕДИЕ

Сборник статей

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
Санкт-Петербург
2013

ББК 81.2Яп+63.3(5Яп)
Н40

*Издание
выполнено при поддержке
Японского фонда*

JAPAN FOUNDATION
国際交流基金

Составление
и ответственное редактирование
Е. С. Бакшеев, В. В. Щепкин

Н40 Николай Невский: жизнь и наследие: сборник статей / сост. и отв. ред. Е. С. Бакшеев и В. В. Щепкин; Ин-т восточных рукописей РАН, Российский ин-т культурологии. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2013. — 292 с., ил.

ISBN 978-5-8465-1255-9

В сборник вошли статьи отечественных и зарубежных ученых, основанные на докладах, представленных в рамках «Невских чтений» — международного симпозиума в честь 120-летия со дня рождения выдающегося российского востоковеда Николая Александровича Невского (1892–1937). Проблематика статей определена разносторонним характером исследований, которым посвятил себя ученый: мифология, синто, айноведение, язык и культура Рюкю, тангутоведение и др.

ББК 81.2Яп+63.3(5Яп)

ISBN 978-5-8465-1255-9

© Институт восточных рукописей
Российской академии наук, 2013
© Российский институт культурологии
Министерства культуры РФ, 2013
© С. В. Лебединский, оформление, 2013

РАЗДЕЛ 2. ЯПОНОВЕДЕНИЕ

В. М. Алпатов

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НЕВСКИЙ – ЯПОНИСТ

Николай Александрович Невский принадлежит к числу тех ученых, масштаб личности которых всё более раскрывается со временем. При жизни его мало кто успел по-настоящему оценить, отчасти из-за того, что он не стремился к славе; его прижизненные публикации давали лишь частичное представление о его потенциале. После его гибели само его имя, казалось, навсегда изъято из науки. И даже после посмертной реабилитации Невского и посмертного присуждения ему Ленинской премии еще долгое время публикация его работ шла медленно, а в третьем издании Большой советской энциклопедии в 70-е гг. даже статьи о нем по каким-то причинам не оказалось. Долгое время о нем, пожалуй, лучше помнили в Японии, чем на родине. И лишь сейчас, через три четверти века после гибели ученого стало, наконец, окончательно ясно, насколько значительное место занимает фигура Невского в отечественной и мировой науке. Показательно, что ни одна его годовщина не отмечалась столь масштабно, как не самая круглая дата — 120 лет со дня рождения: две большие конференции в Токио и Санкт-Петербурге, специально ему посвященные сборники и номера журналов, ряд публикаций.

Всё более точно начинают выявляться и научные интересы Николая Александровича. С 60-х гг., после издания книги «Тангутская филология», первой крупной посмертной его публикации, создалось ошибочное мнение, согласно которому он был исследователем тангутов по преимуществу. Например, в упомянутой энциклопедии имя Невского названо только в статье о тангутах. Возможно, распространению такого мнения помог Н. И. Конрад. Этот крупный ученый, с одной стороны, способствовал реабилитации Невского и присуждению его книге Ленинской премии. Но с другой стороны, Конрад

был чувствителен к своему положению «первого япониста», что могло сказываться.

Я не хочу недооценивать значение трудов Невского по тангутоведению, которых не буду здесь специально касаться. И всё-таки, хотя у него и при жизни, и долгое время после реабилитации было очень мало публикаций по Японии, но он был японистом по образованию и по основному кругу занятий (исключая отчасти последние годы жизни, когда он, не бросая японистику, много занимался тангутами). Всю его творческую жизнь в центре его научных интересов была культура Японии в разных ее проявлениях: религия, мифология, этнография, диалектология. Сюда же вписывалось и изучение культуры единственного сохранившегося из исконных меньшинств Японских островов — айнов. И четырнадцать лет жизни (1915–1929) Невский провел в Японии.

В области японистики Николай Александрович, казалось, знал всё. О нем еще при жизни ходили легенды. Вот одна из них, которую я слышал от профессора Саратовского университета историка С. М. Стама, служившего в 1945 г. военным переводчиком с японского. Согласно ей, царское правительство послало в Японию группу детей, в числе которых были Невский и Конрад, эти дети будто бы несколько лет постигали японскую культуру в буддийском монастыре. Разумеется, десанта детей не было, а на самом деле Николай Александрович впервые побывал в изучаемой стране лишь студентом. Но само существование легенды говорит о многом.

А вот подлинная история, которую рассказывала уже в 90-е гг. его бывшая студентка в ЛГУ в 30-е гг. Ф. А. Тодер. Когда Тодер и еще несколько студенток готовились к практике в качестве переводчиц при японских инженерах, Невский взялся научить их говорить по-женски. Другие, даже лучшие преподаватели, включая Н. И. Конрада, хорошо знали лишь книжную культуру и литературный язык, но Невский знал и диалекты, и народную, «низовую» культуру, и старался научить этому учеников. Перед студентками профессор перевоплотился в японку, стал хихикать и двигать руками, сопровождая это женскими частицами и междометиями; потом это по достоинству оценили их японские собеседники. Николай Александрович, безусловно, был ученым эрудитского склада, всегда стремившимся к познанию максимального числа фактов самого различного рода. Но в отличие от многих знатоков реалий Невский умел и обобщать.

Как и ряд других отечественных востоковедов, Николай Александрович заинтересовался Японией после русско-японской войны,

когда это государство заставило обратить на себя внимание. Профессию он выбрал не сразу: редко упоминают тот факт, что он первый студенческий год учился в Петербургском технологическом институте. В 1910 г. был сделан выбор: Невский стал студентом китайско-японского отделения восточного факультета Петербургского университета. Одновременно он учился и в Практической восточной академии, только там преподавали современный язык (в университете изучали в основном классические тексты). Восточный факультет в те годы находился на переломе. Продолжали сохраняться классические культуроведческие традиции русского востоковедения, Невский оставался верен этим традициям всю жизнь. Однако уже пробивали дорогу и новые подходы, согласно которым основа работы востоковеда — не только изучение древних рукописей, но и исследование современности (включая «простонародную» культуру). Так считал и его главный учитель, китаист В. М. Алексеев, тогда приват-доцент, позднее академик (среди японистов факультета тогда столь крупных величин еще не было). И Невский в студенческие годы учил не только классический, но и современный язык, изучал нетрадиционные тогда для востоковедов науки у лучших петербургских ученых: этнографию у Л. Я. Штернберга, фонетику у Л. В. Щербы. Потом это ему очень пригодилось в Японии. И в целом в японской части его наследия работ по современной культуре больше, чем исследований памятников.

На том же разряде факультета вместе с Невским или на один-два курса старше или моложе учились как японисты Н. И. Конрад, О. О. Розенберг, М. Н. Рамминг, братья Орест и Олег Плетнеры. В те же годы в Практической восточной академии учил японский язык студент историко-филологического факультета Е. Д. Поливанов, первым иностранцем, окончившим Императорский университет в Токио, стал С. Г. Елисеев. Это было блестящее поколение ученых, быстро превзошедшее старших коллег-японистов, в основном практиков, все они предпочли изучение Японии изучению Китая. Но и среди этой плеяды Невский выделялся. В. М. Алексеев уже в те годы записал в дневнике о своем ученике: «Мой двойник, только сильнее и вообще лучше». Позже, в 1917 г. он напишет Невскому: «Вы — лучший из моих учеников. В Вас горит энтузиазм и свет науки. Вам принадлежит будущее. Со способностями Вы соединили редкую любовь к труду и знанию, окрашенную в идеальный колорит, бескорыстный, честный, молодой и яркий». Дипломная работа Невского, получившая высшую оценку, была посвящена пятнадцати стихотворениям великого китайского поэта VIII в. н. э. Ли Бо. Но при основательной подготовке

китаистом Невский не стал, а диплом оказался единственной его работой, целиком посвященной Китаю. Его увлекла Япония, что было закономерным для той эпохи.

Еще студентом, в 1913 г. Невский ездил на три месяца в Японию, а в ноябре 1915 г. вновь отправился туда на стажировку. Он ехал на два года, не предполагая, что его командировка затянется на четырнадцать лет. Первоначальной темой работы Невского стало изучение синтоизма. До него не только в России плохо знали, что это такое, но и в самой Японии синтоизм не был изучен. Лишь Николай Александрович смог установить, что надо разграничивать официальный синтоизм, искусственно созданный японскими книжниками XVII–XIX вв. на основе толкования древних памятников и ставший затем государственной религией, и народный синтоизм, продолжавший жить в сельских районах страны. Знали лишь официальный синтоизм, а народный синтоизм только начинал изучаться. Невский, к тому времени блестяще овладевший японским языком, включая диалекты, много ездил по стране, иногда в одиночку, иногда в компании первых японских этнографов, забираясь в отдаленные деревни, где никогда не видели белого человека. Он дотошно изучал похоронные обряды, песни при исполнении танца льва, обряд постановки магических фигур, предохранявших от воров и от насекомых-вредителей, начал переводить «Норито» — сохранившиеся в памятниках VIII в. ритуальные молитвы синтоистским богам неба. Но, к сожалению, несколько лет работы вылились лишь в наброски, черновики, переводы некоторых текстов и еще в служебный «Отчет о занятиях в Японии с 1 декабря 1915-го по 1-е декабря 1916 года», посланный в Петроградский университет и сохранившийся там в архиве (кроме изданного в 1935 г. фрагмента перевода «Норито», эти труды опубликованы лишь в 1996 г.).

В конце 1917 г. истек срок командировки, выплата стипендии из Петрограда прекратилась, и Николай Александрович, получив тревожные вести от Алексева, решил остаться в Японии. Он никогда не считал себя эмигрантом и надеялся, что наступят лучшие времена и он сможет вернуться на родину. В Токио работу так и не удалось найти. Но в конце 1918 г. удалось получить место преподавателя русского языка в Высшем коммерческом училище в городе Отару на северном японском острове Хоккайдо. Тогда это был небольшой город в японской глубинке, мало европеизированный. Там ученый прожил три года.

В Отару Невский отложил изучение синтоизма ради коренного народа Хоккайдо — айнов, тогда еще владевших айнским языком

и помнивших древние обычаи (японские ученые всерьез займутся этим лишь в 50-е гг., тогда, когда язык и обычаи быстро начнут исчезать). Айны — загадочный во всем народ, ни на кого не похожий, в том числе на японцев. Происхождение айнов и генетическая принадлежность их языка до сих пор не известны. За три года ученый записал десятки айнских текстов, многие из которых сейчас известны только благодаря ему, изучал быт и верования айнов. Многие записи вошли в изданную в 1972 г. книгу «Айнский фольклор». Японские студенты и сейчас изучают по записям Невского айнский язык.

В конце 1921 г. его пригласили на должность профессора в Университет иностранных языков во втором по величине городе Японии Осака, где он проработал с 1922 г. до возвращения в 1929 г. на родину. В это время профессор занялся культурой и языком уже не крайнего севера, а крайнего юга Японии — островов Рюкю, куда ездил трижды (1922, 1926, 1928 гг.). В отличие от айнов население этих островов родственно японцам, но диалекты тех мест резко отличаются от диалектов остальной Японии настолько, что невозможно взаимопонимание, а древняя религиозная система, остатки которой еще сохранялись на самых южных островах Мияко, имела значительную специфику. Эти его исследования сейчас подробно изучены в публикациях Танака Мидзуэ и Е. С. Бакшеева.

За годы жизни в Японии Невский разрабатывал различные темы, первоначально все они так или иначе были связаны с культурой Японии (включая культуру айнов); лишь со второй половины 20-х гг. в сферу его интересов вошли язык и культура аборигенов Тайваня и тангуты; на Тайвань, в то время оккупированный Японией, ученый ездил в 1927 г. В 1935 г. в Ленинграде вышла книга «Материалы по говорам языка цоу», включившая в себя тексты с переводами и фонетический очерк этого аборигенного языка. Она оказалась единственной прижизненной монографией Невского. И изучение аборигенов Тайваня тоже имело отношение к истории Японии: большинство исследователей, в том числе Невский, считали их родственными древнейшему населению Японии (культура Дзёмон), позднее смешавшемуся с пришедшими с материка алтайскими племенами.

А тангутами Невский заинтересовался в 1925 г., во время поездки в Китай, когда его преподаватель по восточному факультету А. И. Иванов (впоследствии разделивший его судьбу), в то время драгоман советского полпредства, передал ему фотокопии некоторых документов, найденных П. К. Козловым на территории Китая. Невский, не бросая другие темы исследований, заинтересовался и этой

проблемой, уже в Японии появились первые его публикации. Но сосредоточиться на изучении тангутских сокровищ можно было только в Ленинграде, где они хранились. Это стало одной из причин его возвращения. К тому же отношение японских властей к выходцу из России по мере усиления милитаризма всё ухудшалось.

Если в 1917 г. его учитель В. М. Алексеев не советовал Невскому уезжать из Японии, то теперь и он, и друг со студенческих лет Н. И. Конрад, к тому времени ставший ведущим в СССР японистом, уговаривали его вернуться. В конце лета 1929 г. Невский покинул Японию и возвратился в Ленинград. Тогда российское востоковедение в основном восстановилось после гражданской войны и разрухи, возвращение в привычную научную среду казалось заманчивым. Но ученый ехал навстречу и новым интересным исследованиям, и будущей гибели. Однако впереди еще было восемь лет интенсивной работы.

В Ленинграде его поначалу приняли хорошо. Подготовке японистов в 30-е гг. придавалось большое значение, в том числе и потому, что Япония считалась противником в будущей войне, а из вышеупомянутой плеяды японистов в Ленинграде остался лишь Н. И. Конрад. Сразу по приезде Невский начал преподавать японский язык в университете и Ленинградском институте живых восточных языков им. А. Енукидзе (до 1936) и работать в только что образованном академическом Институте востоковедения, с 1934 г. он стал и сотрудником Эрмитажа. В 1935 г. Невский без защиты диссертации получил докторскую степень, имел он и звание профессора.

Невский добросовестно отдавал любой нужной работе всё время, нигде не бывая, кроме мест службы, и отказывая себе в простом человеческом общении. Дочь ученого Елена Николаевна пишет: «Обычно я вспоминаю отца за работой, сидящим в кабинете за письменным столом, обложенного книгами, бумагами, карточками, в клубах табачного дыма. Работал он очень много, время черпая за счет своего сна и отдыха, спал по 4–5 часов в сутки, стараясь ежедневно сделать как можно больше. Создавалось впечатление, что он торопился, боялся не успеть завершить начатое. Такой же режим был у него и во время отпуска. При выезде на дачу основной багаж составляли те же книги, рукописи, карточки». На всех местах работы Невский считался «ударником».

В то же время в научных занятиях и японского, и ленинградского периода проявились черты характера Николая Александровича, вызывающие симпатию, но не всегда помогавшие оформлению итогов его деятельности. Он не был честолюбив, и его сам процесс

научного творчества интересовал больше, чем результат. Он был азартен, увлекался всё новыми темами и, никогда совсем не бросая старые сюжеты, погружался во что-то другое. Это не способствовало ни доведению его работ до законченного вида, ни тем более публикации его немалых достижений. В Японии поначалу сказывались и трудности с изданием сочинений тогда еще никому не известного иностранца. Однако и в Ленинграде публикаций у него, как и в Японии, было немного: одна книга по Тайваню, а по Японии две небольшие статьи, два фрагмента переводов («Норито» и айнского фольклора) и учебник языка для начинающих в соавторстве с Е. М. Колпакчи.

Основное время ученого в 30-е гг. занимали обработка и расшифровка тангутских текстов X–XIII вв. По этой теме у него уже всё было распланировано до 1942 г.; на работу по тангутоведению отводилось от шести до десяти часов в сутки без выходных и отпусков. Но ученый никогда не оставлял японские сюжеты. Он уже не мог вести полевые исследования, но оставалась обработка гигантского по объему материала, собранного в Японии. Появились и две совсем новые темы. Во-первых, это была историческая фонетика японского языка, включая диалекты Рюкю; Невский успел сделать по этой теме в 1936 г. доклад, тезисы которого сохранились и ныне опубликованы. Во-вторых, он начал готовить к печати первые в России рукописные грамматику и словарь японского языка, составленные при Анне Иоанновне японцем Гондзой (после крещения Демьян Поморцев). И еще разные темы от иероглифики до перевода «документов японских пролетарских партий».

Всё было оборвано стуком в дверь поздним вечером 3 октября 1937 г. Ученый еще работал за письменным столом. Уходя, он просил: «Не убирайте на столе, через несколько дней вернусь». Он не вернулся. 24 ноября 1937 года Николай Александрович Невский был расстрелян.

Человека уничтожили, а наследие его повезло больше. Погибла лишь та его сравнительно небольшая часть, которая находилась в печати. Рукописный же архив, не заинтересовавший НКВД, в итоге попал в Институт востоковедения Академии наук (теперь его петербургская часть стала Институтом восточных рукописей), где в Архиве востоковедов хранится и сейчас. С 1960 г. эти тексты постепенно начали публиковаться, но их издание растянулось на полвека, а значительная их часть не опубликована и сейчас. Многие издать очень сложно, поскольку дошло до нас в виде черновиков и набросков.

В публикаторской деятельности нельзя не отметить роль Л. Л. Громковской (1932–1994), которая (сама или в соавторстве) подготовила к печати четыре книги его трудов. Она же вместе с Е. И. Кычановым написала биографию Невского (издана в 1978 г.). А сейчас к публикации наследия ученого подключились и японские специалисты.

Некоторые области исследований Невского нашли в отечественной науке хорошее продолжение: тангутика (Е. И. Кычанов, М. В. Софронов и др.), изучение «Норито» (Л. М. Ермакова), японская историческая фонетика (С. А. Старостин), айны (А. Ю. Бугаева). К этнографии Рюкю обратился Е. С. Бакшеев. Но многие темы пока продолжения в нашей науке не получили.

Имя Невского, несмотря на все трагические события его жизни, не только не забыто, но, наоборот, интерес к его трудам мирового значения резко усиливается. Он остается примером ученого, посвятившего жизнь познанию Японии и других стран Дальнего Востока, стремившегося преодолеть культурные барьеры.

Vladimir Alpatov

**N. A. NEVSKY
AS A RESEARCHER OF JAPAN**

The importance of the works of N.A. Nevsky became clear only nowadays. In his life-time he published only the lesser part of them. After his execution his name was forbidden during twenty years. After the posthumous publication of his works occurred slowly and his investigations of Tangut became famous earlier than his other works. However the widespread opinion about Nevskiy as researcher of Tangut for the most part is not right. Nevskiy graduated from the University of Petrograd as specialist on Japan, he lived in Japan for fourteen years (1915–1929) and the majority of his works are connected with Japan. They have various themes, Nevsky studied folk culture, folk religion, ethnography and dialects of Ryukyu, historical phonetics of Japanese, Ainu culture etc. The majority of them was published recently or remains unpublished.